ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 398.2(=352.3):177
ББК 82.3 (2=Адыг)
К 88
DOI:10.53598/2410-3489-2021-4-287-86-93

Цикл преданий о Боре Могучем («Борэжь»)

Зинаида Жантемировна Кудаева
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, zina_777@bk.ru; https://orcid.org/0000-0002-0255-4432

Аннотация.
Статья посвящена исследованию цикла исторических преданий о Боре Могучем («Борэжь»), которые рассматриваются в аспекте отображения в них одного из значимых принципов адыгской традиционной духовной культуры: мировоззренческих идей, позволяющих составить представление о духовных аспектах традиционной адыгской культуры. Исследование преданий о Боре Могучем в аспекте их жанровой принадлежности позволило определить, что данный цикл представлен различными вариантами исторических («Къалмыкъыдзэ» – «Войско калмыков») и этических преданий («Борэ и хъыбар» – «Предание о Боре Могучем» и др.), представляющих собой особую специфическую жанровую разновидность адыгской народной исторической прозы. Анализ жанровых параметров и основной проблематики показал, что в этических преданиях данного цикла репрезентируется и утверждается принцип стоицизма как один их основных нравственно-этических норм, характерных для адыгской традиционной культуры.

Ключевые слова:
исторические предания, жанр, жанровая разновидность, этические принципы, стоицизм, этические предания

Для цитирования: Кудаева З.Ж. Цикл преданий о Боре Могучем («Борэжь») // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2021. Вып. 4 (287). С. 86-93. DOI: 10.53598/2410-3489-2021-4-287-86-93

Original Research Paper

The cycle of legends about Bor Mighty (“Borézh”)

Zinaida Zh. Kudaeva
Kh.M. Berbekov Kabardino–Balkarian State University, Nalchik, Russia, zina_777@bk.ru; https://orcid.org/0000-0002-0255-4432

Abstract.
The paper is devoted to the analysis of the historical legend cycle about Bor the Mighty (“Borézh”) in the aspect of displaying one of the most significant worldview

principles that formed the basis of the spiritual aspects of the Adyghe traditional culture formed over a long historical development. The main task of the study of the legends about Bor the Mighty is to identify the worldview information that makes up the content of these works of folk historical prose, to reflect the moral and ethical canons inherent in traditional ethnic culture.

This determines the relevance and scientific novelty of the research undertaken by us. An analysis of the main problems, as well as the motives and images of the legends about Bor the Mighty made it possible to arrive at the conclusion that in a number of plots inherent in this cycle the principle of stoicism is represented and affirmed as one of the main moral and ethical norms characteristic of the Adyghe traditional culture. The study of the legends about Bor the Mighty in terms of their genre also made it possible to conclude that this cycle is presented by historical ("Kalmykydze" – "Army of Kalmyks") and ethical legends ("Bore and khybar" – "The Legend of Bor the Mighty ", etc.), which are a special specific genre variety of the Adyghe folk historical prose.

Keywords:

Historical legends, genre, genre variety, ethical principles, stoicism, ethical legends

For citation: Kudaeva Z. Zh. The cycle of legends about Bor Mighty ("Borézh") // Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and the Arts. 2021. No. 4 (287). P. 86-93. DOI 10.53598/2410-3489-2021-4-287-86-93

Введение.

Цикл преданий о Боре Могучем («Борэжь») – один из наименее изученных архаических пластов адыгской народной исторической прозы, существовавших в различных их вариантах и версиях («Борэжь Ахуэмыгъуэт и таурыхъ» – «Сказание о Боре Ахомготе Могучем»; «Борэ и хъыбар» – «Предание о Боре Могучем»; «Борэ и хъыбар» – «Предание о Боре»; «Борэжьым и хъыбар пэж» – «Правдивое предание о Боре Могучем»; «Къалмыкъыдзэ» – «Войско калмыков» и др.). В состав цикла входят также песни о Боре Могучем («Борэ и пшыналъэ» – «Песня о Боре»; «Борэ» – «Бора»; «Борэжь и уэрэд» – «Песня о Боре Могучем» и др.) [1: 95-115]. Эти песни непосредственно связаны и порой вплетены в ткань повествования, однако они заслуживают отдельного рассмотрения и изучения вне рамок данной статьи.

Следует отметить, что в адыгской фольклористике цикл нарративов о Боре Могучем с точки зрения определения жанровой принадлежности входящих в него текстов не становился предметом отдельного исследования. А.А. Ципинов в своей работе «Народная историческая проза адыгов» относит цикл преданий о Боре к разряду «преданий об исторических лицах» и входящему в их перечень разделу «героических» преданий [2: 56]. «... Эта группа преданий, – отмечает А.А. Ципинов, – представлена повествованиями о выдающихся лицах, чьи героические деяния оставили заметный след в исторической прозе адыгов» [2: 59]. Автор выделяет в данном цикле две темы: «...убийство невинного сына и участие в войне с внешними врагами», и приводит их краткие сюжетные схемы. Таким образом, предания, входящие в цикл о Боре, не дифференцируются с точки зрения их жанровой принадлежности и основной проблематики. В связи с вышеизложенным, основной задачей статьи является исследование цикла преданий о Боре Могучем («Борэжь») в аспекте определения их жанровых параметров, а также выявление воплощенных в них мировоззренческих идей, позволяющих составить представление о духовных аспектах традиционной адыгской культуры. Актуальность и научная новизна предпринятого исследования определяется обращением к

изучению одного из специфических жанровых элементов адыгской несказочной прозы.

Материалы и методы.

Материалом для изучения послужили тексты преданий о Боре Могучем. Исходным для исследования является утвердившаяся в отечественной науке о фольклоре идея, обосновывающая непосредственную связь между фольклором и системой мировоззрения, свойственной данной культурной традиции. Фольклорный текст рассматривается как форма реакции на общественные мировоззренческие проблемы, как способ и форма их разрешения. В работе используется сравнительно–исторический метод исследования.

Результаты.

Цикл преданий, связанных с именем Боры Могучего, как отмечалось, включает в себя две группы нарративов, представленных двумя основными сюжетами в их различных вариантах [1: 95-115]. В первой группе сюжетов из данного цикла («Къалмыкъыдзэ» – «Войско калмыков»; «Борэ и хъыбар» – «Предание о Боре» и др.) повествуется об участие Боры Могучего в борьбе с внешним врагом. По своим жанровым параметрам это, как верно отметил А.А. Ципинов, героические предания, в которых описывается участие Боры Могучего в сражении с захватчиками, пришедшими на землю Кабарды. Согласно сюжету, к землям кабардинцев движется огромное войско калмыков. Узнав об этом, князья решают сосредоточить всех жителей и свои силы в одном месте и окружить его глубоким рвом с насыпью. Весь периметр будущей обороны разделен на участки, население роет ров и готовится к сражению. И только Бора Могучий лежит на своей бурке рядом с подготовленными к бою луками и стрелами (по другим вариантам – ружьями). Верховный князь, осматривающий со своей свитой ход строительства оборонительных сооружений, в ярости набрасывается с упреками на бездействующего Бору. Однако тот невозмутимо отвечает: *Абы щхьэк1э къэвмыт1, си 1уэхущ, сэ сыздэщы1э щ1ып1э бий къебакъуэмэ* – «Ради этого не [стоит] копать [землю], я отвечаю, если в том месте, где я стою – пройдет враг» [1: 97]. Подоспевшие захватчики, увидев единственный незащищенный участок укрепления, устремляются к нему и становятся мишенью для Боры. Он сражает врагов одного за другим, не давая прорваться во внутрь обороны. Увидев, что войско врага сгрудилось на одном участке, кабардинцы, поняв замысел Боры, нападают на врагов с флангов и уничтожают их. В данном предании Бора Могучий предстает как храбрый и искусный воин, благодаря мужеству и тактической хитрости которого одержана победа над захватчиками.

В центре второй, характеризующейся большей степенью вариативности группы преданий цикла о Боре Могучем (а также песен о нем), содержится описание событий, связанных с невольным убийством героем своего сына и, как следствие, его намерением свести счеты с жизнью.

Мотив сыноубийства – один из наиболее продуктивных и широко распространенных мотивов, присутствующий в той или иной интерпретации в различных культурных традициях. В русских былинах этот мотив присутствует в сюжете о встрече и поединке Ильи Муромца со своим сыном («Бой Ильи Муромца с сыном») [3], в русских исторических песнях об убийстве Иваном Грозным своего сына («Гнев Ивана Грозного на сына», «Песня о спасении Никитой Романовичем царского сына»). Различные версии этих песен, интерпретации событий и образов рассматривались в трудах отечественных исследователей: В.Ф. Миллер [4], С.К. Шамбинаго [5], В.Я. Пропп [6], Б.Н. Путилов [7] и др.

В адыгском нартском эпосе этот мотив косвенным образом связан с сюжетом о встрече Сосруко со своим мертворожденным сыном («Нарт Саусырыкъо пхъэк1энэр

къызэрэхихыгъэр» – «Как нарт Сосруко придумал игру сантраш») и т.д. Сын Сосруко не узнан им, поскольку рождается от умершей невесты нарта в мире мертвых и возвращается в мир живых в качестве посланника, чтобы научить своего отца правилам игры в сантраш, а также укротить его жесткий нрав [8: 238-240]. Конфликт, возникший между ними, не завершается сыноубийством и имеет иную направленность, нежели в упомянутых выше сюжетах о бое Ильи Муромца с сыном и т.д. Общая черта этого мотива – ситуация трагического, нравственного выбора в котором оказывается герой. Так, в былине об Илье Муромце нравственная дилемма состоит в необходимости трагического выбора между долгом – необходимостью защиты отечества и отцовским чувством (ср.: основной конфликт, лежащий в основе древнегреческих трагедий). Нравственный конфликт в данном случае решается, как известно, в пользу воинского долга, необходимостью защиты Руси. Аналогичная дилемма, в той или иной ее интерпретации, присутствует и исторических песнях о гневе Ивана Грозного на сына.

Предание о невольном убийстве Борой Могучим своего сына имеет иную морально-психологическую основу. Сюжет предания предваряется характеристикой героя, согласно которой Бора Могучий – храбрый, мужественный воин, никогда не возвращающийся из набегов без добычи: *Борэжь и ныбжьым здэкIуа къемыхъулIэу къыгъэзэжыртэкъым: лIыхъужьт* – «Бора Могучий за свою жизнь из набегов без добычи не возвращался: [он] – герой» («Борэжь и таурыхъ» – «Сказание о Боре Могучем») [1: 111].

Маркером бесстрашия героя, согласно представлениям адыгов, служило также то, что Бора игнорировал посетителей, позвавших его при свете дня, и откликался только на вызов ночных гостей. Ночной зов сулил опасность – он мог быть вызовом на поединок, приглашением принять участие в набеге, или же исходить от убийцы, который под покровом ночи мог убить и скрыться, оставшись неузнанным и, следовательно, безнаказанным. Таким образом, предание подчеркивает готовность героя встретиться без боязни лицом к лицу с любой опасностью: *Борэ зекIуэлIт. ЛIы ткIий гуэрт. И ткIиягъ псом я лейуэ, абы хабзэ хуэхъуауэ, махуэу къеджам хущIэкIырттэкъым* – «Борэ мужчина-наездник (т.е. совершающий набеги). Он был мужественный, суровый. Он настолько был мужественен, что у него вошло в привычку не откликаться и не выходить из дома к позвавшему его днем» («Борэ и хъыбар» – «Предание о Боре Могучем») [1: 105]. Следует отметить, что мотив «ночного вызова героя» как испытание храбрости героя – один из наиболее продуктивных мотивов адыгской народной прозы, характерный как для жанра сказки, так и для несказочной прозы («Андемыркъанрэ Къамылапщэ Гъу1эмрэ» – «Андемиркан и Флейтист–Кузнец»; «Къанж и къуэ Щауей» – «Шауей, сын Канжа» и др.).

Согласно сюжету, Бора Могучий и его сын становятся жертвами коварства и интриг второй жены героя. В одной версии мачеха мстит своему пасынку за то, что тот отвергает предложение стать ее любовником. В другом варианте, мачеха завидует достоинствам, которыми обладает сын Боры Могучего, его мужеству, благовоспитанности (в соответствии с требованиями адыгского этикета) – качествами, которые отсутствуют у ее собственного сына, и решает погубить его. По наущению мачехи незнакомец ночью вызывает Бору Могучего на поединок, назначив его, в соответствии с традицией, на вершине холма. Мотив поединка на вершине холма – одна из этнопоэтических констант адыгского фольклора (...). Бора ожидает противника до рассвета, но тот не является. Раздосадованный, герой решает уехать, но,

заметив группу всадников, которые гонят перед собой добычу – табун коней – решает отбить их. Он стреляет в замыкающего процессию всадника (позиция, согласно традиции, занимаемая наиболее бесстрашным и мужественным участником набега). Приблизившись Бора Могучий узнает в убитом своего сына.

Дальнейшее развитие сюжета, как правило, тождественно в различных вариантах преданий и состоит в описании глубокой скорби и раскаянии отца, намерении предать себя мучительной смерти. Бора Могучий роет глубокую яму, наполняет ее колючим кустарником (терновником) и укладывается на них, намереваясь умереть медленной и мучительной смертью. Он не поддается на уговоры уважаемых людей и старших селения, убеждающих его в том, что в смерти сына нет его вины, что это следствие трагической случайности. Однако Бора непреклонен в своем решении. Но однажды, спросив разрешения у старших селения, к нему приходит старенькая женщина и рассказывает о выпавших на ее долю страданиях: похищении сына и гибели мужа, смерти двух ее младших детей, инцесте, случившемся между не узнавшими друг друга похищенным сыном и матерью. Закончив свое печальное повествование, женщина заключает: *Ар, сэ сыцIыхубзрэ пэткIэ, схуошэчыф, сызэрыпсэунми иужь ситщ, си хэкужь, сызыщалъхуа къуажэм сыкъекIуэлIэжащ. Уэ, уи лIыгъуэ укъызэрацIыхумкIэ, ... къуагъэкIун икIи къокIун зы джэдыкIэцIыкIу сIэщIэпIытIащ, жыпIэу мыбдежым ухэсу, – жиIэри Борэр банэм къыхишыжащ* – «Вот, я хотя и женщина, смогла (все) это вынести и стараюсь жить дальше, вернулась (из плена – З.К.) на свою родину, в свое родное селение. А ты, известный своим мужеством, ... ‘одно маленькое яйцо я раздавил’, говоря, сидишь вот здесь (в яме)», – сказав – вывела Бору» («Борэ и хъыбар» – «Предание о Боре Могучем») [1: 108].

В континууме адыгской исторической прозы предание о нечаянном убийстве Борой Могучим сына стоит особняком. В целом, сюжеты и мотивы, связанные с убийством сына или самоубийством героя, не характерны для адыгского словесного творчества и не встречаются за пределами рассматриваемого цикла (так, например, в песнях времен Кавказской войны, как правило, героини адыгских плачей, не желая попасть в плен, не накладывают на себя руки, а подставляются под пули врага, предоставляя возможность ему лишить их жизни («Разорение аула» и др.). Не свойственны эти мотивы и адыгской исторической прозе, в которой доминируют героические, генеалогические, топонимические и тому подобные мотивы.

Анализ данного предания с точки зрения заключенной в нем основной мировоззренческой идеи позволил выдвинуть предположение, что сюжет о трагической гибели сына от руки своего отца становится поводом для решения одной из важнейших нравственно–этических проблем: имеет ли право на прощение человек, пусть и непреднамеренно, но совершивший грех сыноубийства? Является ли самоубийство отца справедливым возмездием или же проявлением слабости духа? Не является ли истинным мужеством решение продолжать жить с осознанием собственной вины и ответственности за содеянное? С этой точки зрения, можно предположить, что в предании о убийстве Борой Могучим сына утверждается один из основополагающих принципов адыгской этической системы – принцип стоицизма, который, согласно исследованию Б.Х. Бгажнокова («Адыгская этика») [9: 65], представляет собой один из важнейших нормативных элементов адыгской этической системы. «Стоицизм, – отмечает Б.Х. Бгажноков, – сплав воли, разума и долга чести. Мужественным называют человека не только за отвагу и смелость, но также

за самообладание и выносливость, рассудительность и сдержанность, терпение и упорство в достижении нравственно оправданных целей. ... Чаще всего стойкость не только побуждает к действию, сколько отменяет или приостанавливает его. И всегда по этическим соображениям, когда опасность исходит *не извне, а изнутри, в виде импульсов страсти, страха, малодушия, отчаяния* и т.д.» (курсив – З.Ж.) [9: 65].

В предании об убийстве Борой Могучим сына его отчаяние, намерение убить себя, а затем отказ от самоубийства трактуются как акт мужества и стойкости духа. Следует отметить, что эта установка согласуется с одним из краеугольных основ христианской этики, в которой одним из семи смертных грехов является грех уныния, сопряженный с одним из тягчайших его последствий – самоубийством. Добродетелью же, противопоставленной, согласно канонам христианской морали, «страсти уныния» является мужество.

Следует также отметить, что созданный в ранее упомянутой первой группе героических преданий («Къалмыкъыдзэ» – «Войско калмыков» и др.) образ Боры Могучего, бесстрашного воина, придает дополнительную значимость нравственному выбору героя, утверждая в адыгском общественном сознании принцип стоицизма, понимаемого как мужество и твердость духа. «Стоицизм, – отмечает Б.Х. Бгажноков, – сродни храбрости и воинскому мужеству, с образом настоящего мужчины несовместимы страх, робость, паническое отступление» [9: 65].

Стоицизм, выдержка, умение переносить лишения и боль, находит также воплощение в образах героев песен («Кербеч»), сказок («Приключение Зедеба»; «Приключение молодого пши»), преданий («Л1ыхъуцэжь и къуэ Щауэрэ, Къанжэ и къуэ Щауейрэ» – «Шао, сын Лыхуцежа и Шауей, сын Къанжа») и др.

По своим жанровым свойствам группа нарративов о невольном убийстве героем сына может быть отнесена к *этическим преданиям*, представляющим собой одну специфических *жанровых разновидностей* адыгской исторической прозы [10]. О существовании этой группы преданий впервые упоминается в монографии Б.Х. Бгажнокова, рассматривавшего их как отдельный «жанр этических, в том числе и рыцарских рассказов», разделенных им на «порицательные» и «величальные». Этические предания, по мнению Б.Х. Бгажнокова, были «ориентированы на регуляцию поведения, на поддержание его в заданном традиционном режиме» и представляли собой одно из средств трансляции культуры общения [11: 145-146]. Этические предания, соответственно, рассматривались автором в качестве текстов, основное предназначение которых состояло в порицании или прославлении различных форм и образцов этикетного/неэтикетного поведения, другими словами – следования или же нарушения правил и норм адыгского этикета – *адыгэ хабзэ*. А.А. Ципинов, в соответствии с концепцией Н.А. Криничной [12], не выделяет этические предания в качестве самостоятельного жанра, однако, отмечает, что в континууме народной прозы морально-этические мотивы занимают «в структуре преданий всех групп большое место» [2: 75] и рассматривает некоторые типичные для данной группы сюжеты.

Однако, как представляется, этические предания следует рассматривать не как тематическую совокупность мотивов, не как отдельный жанр, а как жанровую разновидность исторических преданий, не ограничивающихся репрезентацией предпочтительных стандартов и форм общения, образцов этикетного поведения, но утверждающих, в том числе, базовые морально-этические нормы, формирующие ценностные параметры адыгской системы

мировоззрения. Примером такого типа преданий, выходящих за пределы демонстрации правил этикета, могут служить этические предания из цикла о Боре Могучем.

Суммируя вышеизложенное, следует отметить, что этические предания, включающие различные по своей направленности группы текстов (в том числе упомянутые варианты сюжета о Боре Могучем), сформировались и функционировали как органический элемент духовной и социальной жизни традиционного адыгского общества и представляли собой один из действенных способов и механизмов репрезентации и утверждения духовных, мировоззренческих компонентов традиционной культуры, его нравственно–этических установок и норм. Репрезентируя предпочтительные нравственно–этические установки, предания о Боре Могучем способствовали формированию системы базовых мировоззренческих ценностей, направленных на нормализацию и стабилизацию адыгского общественного сознания.

Заключение.

Таким образом, цикл преданий о Боре Могучем представлен двумя жанровыми группами народной исторической прозы: героическими и этическими преданиями. В различных вариантах героических преданий создан образ Боры Могучего, как удачливого в набегах, мужественного и храброго воина, обладающего стратегическим и тактическим мышлением, навыками ведения боя.

В этических преданиях о Боре Могучем утверждается один из основополагающих мировоззренческих установок адыгской нравственно-этической системы – принцип стоицизма, предписывающий мужественно переносить не только физические, но и нравственные страдания и отвергающий самоубийство как проявление слабости и малодушия. Отказ героя от самоубийства утверждается в предании как акт мужества и стойкости духа.

Анализ преданий о Боре Могучем позволяет также сделать вывод, что этические предания как одна из жанровых разновидностей народной исторической прозы, наряду с текстами, направленными на регуляцию поведения, его соответствию правилам этикета, включают в себя также нарративы, утверждающие базовые морально–этические нормы и формирующие ценностные нравственные параметры адыгской системы мировоззрения.

Примечания:

1. Адыгэ 1уэры1уатэхэр / зэхэзылъхьар З. Къардэнгъущ1. Налшык: Эльбрус, 1969. Т. 2. 412 с. (на кабард.-черк. яз.) = Адыгский фольклор / сост. З. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус. , 1969. Т. 2. 412 с.

2. Ципинов А.А. Народная историческая проза адыгов. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2000. 157 с.

3. Былины: русский героический эпос / вступ. ст., ред. и примеч. Н.П. Андреева. Ленинград: Сов. писатель, 1938. С. 90-96. URL: http://feb–web.ru/feb/byliny/texts/byl/bil-090-htm

4. Миллер В.Ф. Исторические песни русского народа XVI–XVII вв. Петроград: Тип. Имп. акад. наук. 1915. VIII. 793 с.

5. Шамбинаго С.К. Исторические песни и сказки XVI в. // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. II. Ч. 1: Литература 1220-х-1580-х гг. 1945. С. 471-484. URL: http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il2/il2-4712.htm

6. Пропп В.Я. Песня о гневе Грозного на сына // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 14, вып. 3. С. 75-103.

7. Путилов Б.Н. Песня о гневе Ивана Грозного на сына // Русский фольклор. Материалы и исследования. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. 1959. Т. IV. С. 5-33.

8. Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский эпос: в 7 т. / сост., вступ. ст. А.М. Гадагатля. Майкоп, 1969. Т. 2. 343 с.

9. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1999. 96 с.

Кудаева З.Ж., Паранук К.Н., Голодова А.П. Этические предания адыгов: жанровые критерии и основные мотивы // Научный диалог. 2021. № 1 (7). С. 183-197. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-183-197.

10. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов // Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 7-160.

11. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Ленинград: Наука, 1987. 227 с.

References

1. Adyghe folklore / compiled by Zaramuk Kardangushev. Nalchik: Elbrus. 1969. Vol. 2. 412 p. (in Kabardian-Cherkess language).

2. Tsipinov A.A. Folk historical prose of the Adyghes. Nalchik: EL-FA. 2000. 157 p.

3. Bylinas: Russian Heroic Epic / introductory art., ed. and notes by N.P. Andreev. L.: Sov. writer. 1938. P. 90–96. URL: http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/byl/bil–090–.htm

4. Miller V.F. Historical songs of the Russian people of the 16th – 17th centuries. Petrograd: Printing house of the Imp. Acad. of Sciences. 1915. VIII. 793 p.

5. Shambinago S.K. Historical songs and tales of the 16th century // History of the Russian Literature: in 10 volumes / Academy of Sciences of the USSR. M.; L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1941–1956. Vol. II. Part 1. Literature of the 1220s – 1580s. 1945. P. 471-484. URL: http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il2/il2-4712.htm

6. Propp V.Ya. Song about the anger of Ivan the Terrible at his son // Bulletin of Leningrad University. 1958. No. 14. Iss. 3. P. 75-103.

7. Putilov B.N. Song about the anger of Ivan the Terrible at his son // Russian folklore. Materials and research. M.; L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1959. Vol. IV. P. 5-33.

8. The Narts. Adyghe epic: in 7 volumes / comp., introductory art. by A.M. Gadagatl. Maikop, 1969. Vol. 2. 343 p.

9. Bgazhnokov B.Kh. Adyghe ethics. Nalchik: EL–FA. 1999. 96 p.

10. Kudaeva Z.Zh., Paranuk K.N., Golodova A.P. Ethical traditions of the Circassians: genre criteria and main motives // Scientific Dialogue. 2021. No. 1 (7). P. 183–197. DOI: 10.24224 / 2227-1295-2021-7-183-197.

11. Bgazhnokov B.Kh. Essays on the ethnography of communication between the Circassians // Ethnography of the Circassians. Nalchik: Elbrus. 2011. P. 7-160.

12. Krinichnaya N.A. Russian folk historical prose. Genesis and structure issues. L.: Nauka, 1987. 227 p.

Статья поступила в редакцию 30.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 25.12.2021.

The article was submitted 30.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 25.12.2021.

© З. Ж. Кудаева, 2021